

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kiam@onego.ru

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ И СААМСКИЕ ИМЕНОВАНИЯ КАК КОМПОНЕНТЫ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАРЕЛИИ XV–XVII ВЕКОВ*

Представлен анализ ономастических единиц, являющихся ярким показателем присутствия на территории Карелии прибалтийско-финского, саамского населения. Такие именованья фигурируют в памятниках деловой письменности Карелии донационального периода. Они обозначены формальными (фонетическими, структурными) и прочими иноэтническими маркерами. Объясняется причина, обусловившая незначительный процент функционирования таких именованья в региональных документах и послужившая поводом их высокой графической вариативности. Показана специфичность взаимодействия прибалтийско-финского имени с русской антропонимической системой, нашедшая отражение в появлении гибридных моделей и формул номинации лиц, в закономерности использования и трансформации календарного русифицированного ономастикона в неславянском социуме. Высказаны предположения о возможности употребления онимов с прибалтийско-финскими маркерами русским и финно-угорским этносами. Представлен ареальный аспект в исследовании данных единиц.

Ключевые слова: историческая антропонимия, прибалтийско-финские именованья, региональный ономастикон

Прибалтийско-финские, саамские антропонимы являются хоть и специфической, но неотъемлемой частью ономастической системы Руси как донационального периода, так и более поздних временных отрезков. Исследователи регистрируют их в ономастиконах территорий, издревле связанных с финно-угорскими народами. Отмечены примеры функционирования именованья лиц, как то: *Гымуй, Гювиш, Новзей, Селюев* и под., – в новгородских берестяных грамотах (см. [11], [12], [19], [20], [24], [26], [27], [28], [31], [32]), в документах Карелии XV–XVII веков (см. [6], [7], [8], [9], [22], [30]), фиксируются антропонимы в основах посессивных ойконимов Карелии и территорий, сопредельных с ней, ср.: *Вихтово, Кеврола, Кавкола, Karhil, Rahkoil, Sagil* и под. (см. [2], [3], [4], [5], [10], [13], [14], [15], [16], [17], [21], [23], [25]).

В работах, в которых финно-угорское имя – основной или второстепенный объект исследования, решаются по преимуществу ономастические или этимологические задачи, а именно: выявляется репертуар прибалтийско-финских антропонимов, обсуждается их внутренняя форма, реже мотив именованья, место таких именованья в ономастической системе региона. Этнокультурные, антропоцентрические парадигмы в исследовании таких именованья рассматриваются эпизодически.

Цель данной статьи – дать комплексное описание прибалтийско-финских именованья, функционирующих в документах XV–XVII веков официально-делового и частно-делового характера, относящихся к территории Карелии. Для этого

из письменных источников вычленены антропонимы (прозвища, личные имена, патронимы) и посессивные ойконимы, в которых имеются отличительные прибалтийско-финские приметы.

Всего к анализу привлечено более 700 единиц номинации на более чем 1800 употреблений. В процентном отношении в ономастической системе региона – это примерно 2,5 % от общего количества именованья, представляющих ономастикон Карелии указанного времени. Такие именованья отличают на славянском некалендарном и календарном фоне формальные показатели заимствования или генезис основы. Формальными показателями являются: 1) *фонетический маркер* – сочетание звуков, нехарактерных для русской звуковой системы, переданных в текстах документов графически: *кк, лл, тт, нн, рр, вг, вк, гп, лг, мб, мп, мк, нг, нж, нт, рг, рл, хк, ге, ги, гю, гя, ке, ки, кю, кя, хе, хи, хя* и др., ср. примеры, представленные в исследуемых памятниках письменности, – *Ваккуй, Пеллюй, Гуттоев, Наннуев, Терруев, Кавгуев, Товкой, Пугнуев, Вилгунов, Лимбака, Румпин, Кемкуй, Кенгуй, Конжоев, Рентюев, Каргуев, Тирлилев, Лахкуев, Гебяпьев, Гимой, Гюев, Гяжин, Келюев, Кичуев, Кюрзов, Кялкеев, Хидоев* и под.; 2) *структурный маркер* – формант *-уй (-ой, -ей, -ий)*, отмеченный в составе имени, патронима или посессива (см. примеры, приведенные выше).

По характеру основы отобранные для анализа онимы можно разделить на две группы.

1) Имена собственные, имеющие прибалтийско-финскую или саамскую апеллятивную основу, ср.: *Гриша Мянда*, 1563¹ (ПКОП, 162) и карел.

mändü, фин. *mäntu*, эст. *mänd* ‘сосна’ (Фасмер, 3, 30); Василий Родионов сын *Кеттуева*, данная, 1571² (АСМ, 235) и фин. *kettu* ‘лиса’ или переносные карел. *kettu* ‘плёнка’, ‘кожура’, ‘кожа, наружный покров тела’ [10: 226]; пустошь, что была деревня *Корвачово* на реке на Олонце, 1616–1619 (гос.)³ (Чернякова, Л. 53 об.) и ливв. *korvačši* ‘проушина’, люд. *korvatš* ‘одна из подпор вокруг стога или скирды’, при саам. кольск. *koarv* ‘кол с развилкой для опоры’, а также карел. *korvakkо* ‘подпора с развилкой на конце, подпирающая кладку сена или костер дров’ [18: 363]; можно также увидеть связь с карел., фин. *korva*, вепс. *korv* ‘ухо’ (СОС, 103). Условно назовем такие именованья *иноэтническими*. Несмотря на то что они структурно оформлены и изменяются по русской грамматической модели, то есть в их структуре выделяются русские патронимные и посессивные форманты, – их основным показателем принадлежности к неславянскому ономастikonу является генезис аппеллятивной основы (*этимологический маркер*).

2) Во вторую группу включаем имена собственные, которые, пользуясь терминологией А. И. Попова, назовем *карелизированными* [19: 58]. Они образованы от календарных русифицированных антропонимов. В их структуре обычно выделяются форманты *-уй*, *-ой* и их варианты с присоединением патронимных и посессивных компонентов: *Минкуй* Кузьмин, Ровдужский, 1568⁴ (ПКВП, 162), *Минкуй* ← *Минька* ← *Михаил* или *Мина*; *Мартой* Сергиев, Оштинский, 1563 (ПКОП, 226), *Мартой* ← *Мартын*; дер. на низу Олонца слово *Антуева*, 1563 (ПКОП, 69), *Антуев* ← **Антуй* ← *Андрей*, *Антон* или *Антип* и под.; Гришка *Вансюев*, 1568 (ПКВП, 82), *Вансюев* ← **Вансюй* ← *Василий* или *Иван*; дер. на усть Свери слово *Артюевское*, 1563 (ПКОП, 227), *Артюевское* ←

**Артюев* ← *Артой* ← *Артемий*; Юшко *Есоев*, 1597⁵ (ДКЛП, 196), *Есоев* ← **Есой* ← *Иосиф* или *Ефим*; дер. *Ларюевская* за болотом, 1582/83 (КЗПОП, 92), *Ларюевская* ← **Ларюев* ← *Ларюй* ← *Ларион*; дер. *Прокуево*, 1563 (ПКОП, 110), *Прокуево* ← *Прокуй* ← *Прокопий*; дер. *Теркоево*, 1582–1583⁶ (КЗПОП, 74), *Теркоево* ← *Теркой* ← *Терентий* и под.

Количественно антропонимы, имеющие прибалтийско-финскую аппеллятивную базу, преобладают над карелизированными (600 к 100). Вероятно, новгородские и московские документоеды прошлого, чувствуя календарную основу представленной номинации, по своему желанию изменяли христианское карелизированное имя на русифицированный образец.

Обращает на себя внимание «распределение» именованья с прибалтийско-финскими маркерами по антропонимическим группам. Наибольшее число прибалтийско-финских именованья фиксируется в основах посессивных ойконимов (921), далее патронимов (703), затем именованья, выполнявших роль прозвища (158), меньше всего зарегистрировано личных имен, восходящих к карелизированным календарным именам (16). Налицо расхождение показателей: есть патронимы и ойконимы, но базовых онимов (личных имен и прозвищ) намного меньше. Так, календарных имен в составе патронимов в 4,5 раза больше, а в составе ойконимов – в 6,5 раза. Такая неровная статистика в отношении личных имен еще раз служит подтверждением предположения о роли писцов в искажении фактов номинации лица.

Именованьям с неславянской основой характерна высокая вариативность чаще всего на структурном уровне, которая обусловлена трансформацией антропонима в тексте документа, составившегося русским писцом, ср. с примерами, приведенными в таблице.

Примеры отражения вариативности онимов
(по данным памятников письменности Карелии)

Деревня Стогова <i>Батоева</i> на Путкоозере, Шуньгский, 1582–1583 (КЗПОП, 182)	Деревня Стогова <i>Батуева</i> да на Путко озере, Шуньгский, 1616–1619 (гос.) (Чернякова, Л. 153 об.)
Дер. Пипиево слово <i>Варгоевская</i> : в ней Митя Павлов, в ней Третьячко Павлов, Вытегорский, 1563 (ПКОП, 205)	да деревня Пипуева <i>Варгуева</i> , Микитки Павлова, Вытегорский, 1616–1619 (мон.) ⁷ (Чернякова, Л. 465)
Клиш Степанов <i>Гемечов</i> , Толвуйский, 1563 (ПКОП, 137)	Клишко Степанов <i>Гемячов</i> , Толвуйский, 1563 (ПКОП, 137)
Кирыак Семенов сын <i>Гирмюев</i> , прозвище Русин, купчая, 1585 ⁸ (Гейман, 288)	Русин Семенов сын <i>Гирмюев</i> , купчая, 1588 (Гейман, 302)
Деревня <i>Кайбышево</i> у Валгома озера, Шуньгский, 1582–1582 (КЗПОП, 187)	ДРВ <i>Кайбушева</i> у Валгума озера, Шуньгский, 1616–1619 (гос.) (Чернякова, Л. 117)
Иванко Павлов <i>Кильмячев</i> , Панозерский, 1597 (ДКЛП, 217)	место Иванка Павлова сына <i>Кюлмячева</i> , 1598 ⁹ (ДКШВ, 238)
Деревня <i>Ленбачева</i> , Шуйский, 1582–1583 (КЗПОП, 136)	ДРВ <i>Лембачева</i> на реке на Шуе, Шуйский, 1616–1619 (мон.) (Чернякова, Л. 104)
Федор Филипов сын <i>Шега</i> , купчая, 1578 (Гейман, 262)	Федор Фефилов сыг <i>Шога</i> , поджумец, купчая, 1588 (Гейман, 302)
непашенный бобыль Иванко Остафьев <i>Хид</i> , отводная сотная выпись, 1556 (Гейман, 183)	Иван Остафьев сын <i>Хедой</i> , Соловецкого монастыря крестьянин, разъезжая запись, 1558 (Гейман, 187) и т. д.

Писцы являлись «авторами» не только таких вариаций, но и создателями гибридных структурных моделей именования лица, когда в именовании одного человека соединялись сразу календарное русифицированное имя и соответствовавший ему карелизированный вариант, ср.: Семен Фомин сын *Семкуй*, кемлянин, купчая, 1579 (АСМ, 135), где очевидна связь антропонимов Семен и Семкуй (\leftarrow Семка + -уй \leftarrow Семен). Возможно, с данным примером связаны следующие иллюстрации: Васко Вачуй, п. Шуньгский, 1496 (ПКОП, 5): где Вачуй \leftarrow Вася + -уй \leftarrow Василий и, может быть, Микифорец Мичуй, Олонецкий, 1563 (ПКОП, 68), хотя Мичуй уместнее связать с Митя (от Дмитрий).

Таким образом, неславянские имена собственные на общем фоне ономастикона Карелии XV–XVII веков, являющегося по преимуществу русифицированным календарным или славянским по апеллятивной базе, – яркая характеристика присутствия на данной территории финно-угорского населения, именно оно является носителем антропонимов с формальными и иноэтничными прибалтийско-финскими маркерами. Не исключается, что такие именования употреблялись и в национально-смешанных семьях, в среде билингов.

Очень сложно по имеющимся материалам, представленным в деловой письменности Карелии, дать точную этническую характеристику социуму региона. Указания на отношение к определенному этносу (лопин, корелянин) единичны, ср.: след Карпинской *лопина* да сына его Матюшки... след Ивашка Койвупя *лопина*, Ругозерский, 1597 (ДКЛП, 208), след Ивашка Безимьяново *лопина* (там же, 208), Осташко *лопин* (там же, 207), Олфуи *корелянине*, закладная, 1459–1470 (Гейман, 109), Да оне же *кореляне* Юшко Климпуев с товарищи живут на Олонце, челобитная, Олонец, 1668¹⁰ (Мюллер, 191), Суботка *корелянин* живет у Иванка же, Панозерский, 1597 (ДКЛП, 217) и др. Причем через указание *корелянин* идентифицировали и жителей Корелы, бежавших от шведской интервенции.

Без сомнения, невысокие статистические показатели, приведенные по неславянским именованиям ранее (2,5 %), нельзя напрямую соотносить с численностью неславянского населения края: карелов, вепсов, финнов, саамов было значительно больше, нежели то количество, которое отражено в документах.

К указанному периоду произошел ряд лингвистических и экстралингвистических явлений. Безусловно, сказались длительные отношения коренных жителей региона с русским населением Карелии, а также Новгорода, Пскова. Славянское миссионерство послужило причиной не только принятия христианства, но и включения в ономастикон карелов, вепсов, финнов, саамов карелизированных календарных личных имен.

В результате взаимодействия различных стихий в системе именований лиц региона появились гибридные структуры, совмещающие антропонимические единицы разного генезиса.

Представим примеры двухкомпонентных моделей именования, построенных по разнообразным формулам¹¹:

$K_{-уй(-ой)} + K_{-ов, -ев, -ин}$: Артуйко Устинов, п. Оятский, 1563 (ПКОП, 244); Мелойко Кондратов, п. Вытегорский, 1563 (там же, 207); Минкуй Кузьмин, п. Ровдужский, 1568 (ПКВП, 162);

$K_{-прф} + K_{-ув}$: Юшко Климпуев, челобитная, Олонец, 1668 [Мюллер, 191]; Матико (да Фомка) Левшуевы, п. Важенский, 1563 [ПКОП, 101];

$K + K_{-ув}$: Якуш Микуюев, п. Ролдужский, 1539 [ПКВП, 33]; непашенной бобыль Исачко Лакхуев, п. Городенский, 1568 [ПКВП, 107]; Кирилка Демуев, п. Важенский, 1563 [ПКОП, 101];

$K + Пр_{-прф}$: Иванко Гойкула, п. Городенский, 1568 (ПКВП, 91); Васюк Кережа, п. Оятский, 1563 (ПКОП, 243); Ивашко Керчуй, п. Оштинский, 1496 (ПКОП, 35), Ивашка Койвупя, лопин, Ругозерский, 1597 (ДКЛП, 208);

$Пр_{-прф} + K_{-ув(-ев, -ин)}$: Алкой Артуев, п. Никольский в Ярославичах, 1563 (ПКОП 252); Лулак Лукин, п. Андомский, 1563 (там же, 200); Кюрша Васильев, п. Шуньгский, 1563 (там же, 152);

$Пр_{-прф} + Н_{-ов, -ев}$: Кубас Кошелев, п. Вытегорский, 1616/19 (мон.) (Чернякова, Л. 463);

$Н + ПРФ_{-ов}$: Нечайко Юшков, п. Мегрежский, 1582 (КЗПОП, 286);

$Н + Пр_{-прф}$: Истомки Речкуя, п. Шуезерский, 1597 (ДКЛП, 212) и т. д.

Прибалтийско-финские антропонимы придают разнообразие и другим моделям именования, являясь доказательством сложных этнических переплетений, ср.: *Гавшуй Кузьмин Глухой*, п. Остречинский, 1563 (ПКОП, 111), где соединились календарное имя с маркером -уй, патроним на -ин от календарного имени и отапателитивное прозвище, имеющее исконно славянскую основу, что соответствует формуле $K_{-уй(-ой)} + K_{-ин} + Пр$; для структурного именования *Ушаш Федоров Пекуев*, п. Шуньгский, 1563 (там же, 153) строится следующая формула $Н + K_{-ов} + K_{-ув} =$ некалендарное личное имя соединяется с патронимом от календарного имени и фамильным прозвищем от карелизированного календарного имени. Еще большее количество разносистемных ономастических компонентов выделяется в структуре многокомпонентного именования *Кирияк Семенов сын Гирмоев, прозвище Русин*, купчая, 1585 (Гейман, 288) = $K + K_{-ов(сын)} + ПРФ_{-ов} + (прозвище) Пр$ и т. д. Их количество перекрывает единичность «чистых» прибалтийско-финских структурных моделей именований, типа однокомпонентного *Кившуй*, Ролдужский, 1539 (ПКВП, 33) или двухкомпонентного *Кивал Тоивод*, данная, XV века (Гейман, 120), где соединились только неславянские единицы.

Безусловно, переплетение этносов, отражающееся в антропонимической системе, начинается на апеллятивном уровне. Так, в основах прозвищ фиксируется около 30 прибалтийско-финских, саамских апеллятивов, принятых в систему русского языка и сохранившихся, например, в русских говорах Карелии и в памятниках письменности. Ср.: в основе прозвища *Алажда* – Федор

Власов сын *Алажма*, Выгозерский, Сумская вол., 1582/83 [КЗПОП, 204] – отмечен апеллятив *алажма* ‘печь, устанавливаемая на лодке’ белом. (СРГК, 1, 18), арх. (СРНГ, 1, 229), связанный с карел., фин. *alus* ‘основа’, ‘подкладка’, ‘подставка’ (СКЯ, Ливв., 20; ФРС, 33), вепс. *aluz* ‘то же’ (Зайцева, Муллонен, 2007, 299). Подобным образом антропоним *Карбас* – Иванковский след *Карбаса*, п. Важинский, 1563 (ПКОП, 97) – восходит к широко известному современным говорам с древнерусского периода слову *карбась* – ‘гребное парусное судно’ (СлРЯ XI–XVII, 7, 76), белом., карг., кем., медв., онеж., плес., тер., севмор. и др. (СРГК, 2, 328), заимствованное из вепс. *karbaz*, фин. *karvas* (Фасмер, 2, 95). Отапеллятивное прозвище *Тинда* – Филип Степанов сын *Тинда*, Сумская вол., 1569, отпись (АСМ, 231) – также известно по данным Таможенных книг Соловецкого монастыря с древнерусского периода, где *тинда* – ‘род рыбы’ (Срезневский, 3, 960). Заимствовано из саам. тер. *tinda*, фин. *tinttu* (Фасмер, 4, 59). Сохранилось в современных арх., кем., канд. говорах (СРГК, 6, 460).

Именованья, подобные рассмотренным, достояние как русской, так и прибалтийско-финской антропонимической системы. В функциональном плане они сближаются с прозвищами, имеющими славянскую или прибалтийско-финскую основу. Предполагаем, что процесс онимизации апеллятива происходил в среде билингвов, в национально-смешанных семьях. В плане адаптации эта группа антропонимов противостоит собственным именам, которые восходят к апеллятивам, не вошедшим в русский лексикон. Следующие примеры отражают данное явление: Тимошка Григорьев *Гютюев*, п. Шуньгский, 1563 (ПКОП, 153); Гришка Иванов *Гангоя*, п. Олонецкий, 1563 (там же, 60); Семенко *Гимой*, п. Оштинский, 1563 (там же, 233); Иванко *Игалов*, лопарь, п. Панозерский, 1597 (ДКЛП, 214) и т. д. Выделенные курсивом антропонимы восходят к прибалтийско-финским апеллятивным материалам: *hyutiä* ‘филин’ [17: 139; 16: 156], *haŋgo* ‘вилы’ + *pää* ‘голова, конец’ [10: 223]; карел. *himo* ‘желание, страсть’, обычно ‘прихоти (при беременности)’ (СКЯ, Ливв., 69), ‘желание, охота’ (КРС, 29); фин. *iha* ‘довольный’, эст. *iha* ‘влечение, желание’ [20: 98], [24: 257]. Всего 109 подобных примеров. Мало вероятности, что такие имена носили русские. Поле функционирования этих антропонимов – финно-угорский социум Карелии (карелы, вепсы, саамы). Следовательно, статус таких номинаций не только прозвища, но и, возможно, личные имена, как *Игала*, *Гымуй*, *Гювиш*, *Новзей*, известные с древности, сохранившиеся в письменных источниках Карелии исследуемого периода, а также зафиксированные в новгородских берестяных грамотах и этимологизированные А. И. Поповым [20], Е. А. Хелинским [24], А. А. Зализняком [1] и др.

Для завершения картины необходимо представить не имеющие большого распространения явления. Одно из них обусловлено тем, что иногда исконно русское слово, попадая в неславянскую среду, претерпевало фонетические преобразования и в измененном виде фиксировалось

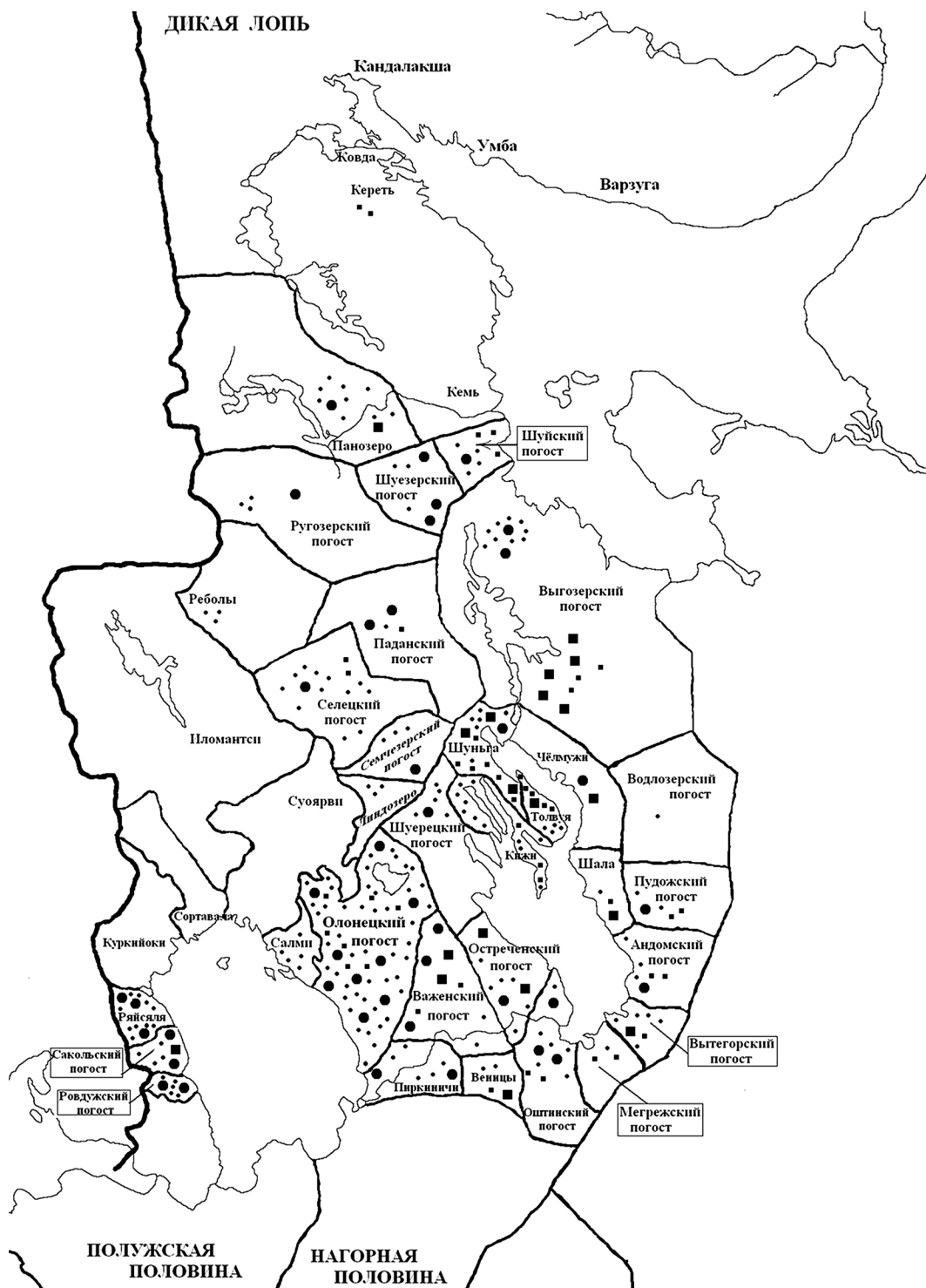
в русском ономастиконе. Ср. патроним *Лузекин* (*Лузикин*): Ондрей *Лузекин*, Кереть, грамота, 1542 (Гейман, 143); Григорей Андреев сын *Лузикина*, Варзуга, данная, 1565/66 (АСМ, 188); Санька *Лузикин*, 1598 (ДКШВ, 240). Неоспорим факт, что основа патронима связана с карел. *luzikka*, *luzikku*, фин. *lusikka*, вепс. *lužik* и, возможно, поздним саам. *luške* ‘ложка’ (СВЯ, 303; Фасмер: 2: 530; СОС: 262). В таком виде слово отмечено в современных русских говорах: *лу́зик* волх., лод., тихв. (СРГК, 3, 156), новг., яросл. (Фасмер: 2: 530 со ссылкой на Даля и Волоцкого). Но в финно-угорские языки попало именно из русского языка.

Другое явление связано с тем, что антропонимы из исконно русского именника подвергались структурным преобразованиям под влиянием карельской ономастической системы. Так, выделенные курсивом компоненты: пуст. Федковская *Рябуева* на Курзаксе, п. Андомский, 1582/83 (КЗПОП, 247); Михалко Семенов сын *Любуев*, г. Корела, 1568 (ПКВП, 67) – восходят к прозвищу с русской основой *Рябой* и некалендарному личному имени *Любим*. Возможно, такой процесс происходит под действием аналогии, когда близко находятся единицы, построенные по одной структуре. Ср. в тексте документа антропоним *Кожеев* с предполагаемой русской основой стоит в одном ряду с прибалтийско-финскими именованиями на -уев: *договорилися мы полюбовно Керещкие волости со старостою с Романом Ильным Куккоевым и с мирскими людьми: с Осифом Ригоевым, с Корнилом с Кожеевым, с Федором Пайкачевым* (Керецкая вол., запись, 1694) (Мюллер, 353). Примеры подобного типа немногочисленны: дер. *Мазоева*, п. Сакульский, 1568 (ПКВП, 142), Сенка Онисимов *Пузуев*, п. Оштинский, 1582/83 (КЗПОП, 315), Васюк *Пузуев*, Остречинский, 1563 (ПКОП, 111), дер. *Пяткуево* на Олонце, 1582/83 (КЗПОП, 46). Не исключено, что в некоторых случаях мог видоизмениться антропоним и совпасть с основой исконно русского имени. Так, патроним *Нечуев* – Пантелейко *Нечуев*, п. Шуньгский, 1496 (ПКОП, 5) – с одной стороны, можно связать с некалендарным именем *Нечай*, с другой – с карельским словом *neiçoi*, *neiçyt* ‘девица, девушка’ (СКЯ, Ливв., 224).

Примеров, которые отражают неадаптированные русским языком апеллятивы в основах антропонимов, более чем в 2 раза больше среди прозвищ и более чем в 3 раза больше среди патронимов, нежели таких, которые стали элементами русской лексической системы. Область их распространения неровная (см. карту 1¹²). Анализ ареала показывает, что 1) антропонимы с освоенными русским языком апеллятивами единичны в Лопских погостах, отсутствуют на Карельском перешейке, что дает возможность характеризовать эту зону как преимущественно неславянскую; 2) единичные фиксации в Водлозерском погосте, возможно, свидетельствуют о сильном славянском влиянии; 3) достаточно плотное прибалтийско-финское антропонимическое «покрытие» Шуньгского, Толвуйского погостов еще раз под-

тверждает, что данный ареал – особое переплетение языков, культур, отраженное в различных фактах (не только ономастических); 4) преимущественная фиксация прибалтийско-финской

основы у патронимов наблюдается практически по всем погостам. Следовательно, прозвищная и именная база была более мощной, чем это представлено в текстах исследуемых документов.

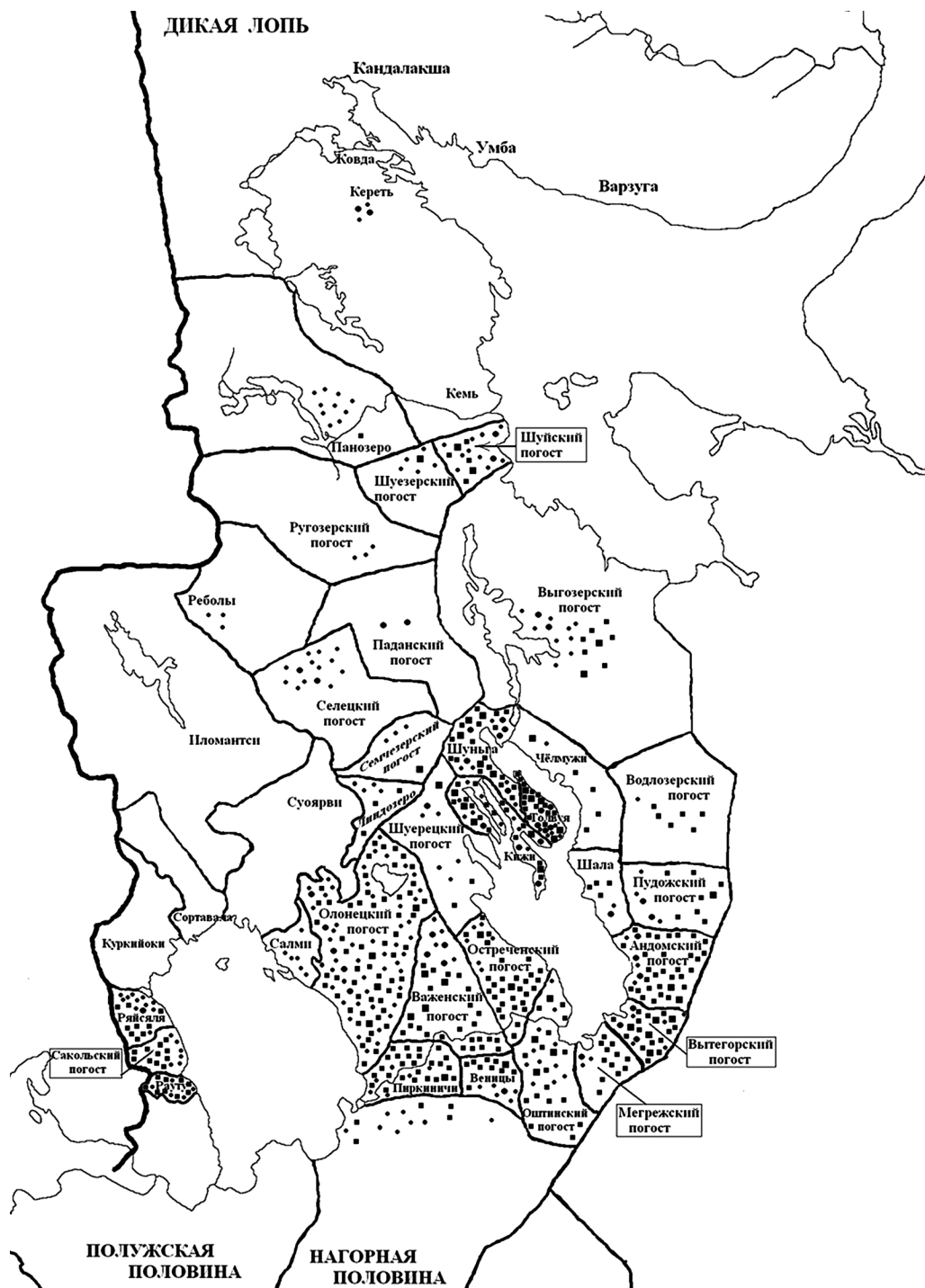

Карта 1. Распространение антропонимов с прибалтийско-финскими основами

● – освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в прозвищах	■ – не освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в прозвищах и личных именах
● – освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в патронимах	■ – не освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в патронимах

В целом ареал распространения антропонимических единиц, представленных на карте 1, совпадает с областью фиксации патронимов и посессивных ойконимов (см. карту 2), имеющих различные прибалтийско-финские маркеры. Сопоставление карт показывает, что патронимов

и топонимов с прибалтийско-финскими показателями еще больше, нежели самих единиц, к которым они восходят. Крайне редкая фиксация посессивных ойконимов в отдельных регионах Карелии могла свидетельствовать о функционировании там другой номинативной модели.

- – фиксация патронимов с основой, освоенной русским языком
- – фиксация патронимов с основой, не освоенной русским языком
- – фиксация посессивных ойконимов с основой, освоенной русским языком
- – фиксация посессивных ойконимов, не освоенных русским языком

Подведем итоги. Прибалтийско-финские именования, зафиксированные в деловой письменности Карелии XV–XVII веков, – составное звено регионального ономастикона, которое, несмотря на неполноту представления, обусловленную экстралингвистическими причинами, создает особый колорит именнику через проникновение в неславянский социум календарных русифицированных имен, через соединение в структуре

номинации лица единиц с различным структурным и базовым генезисом, образующих различные гибридные модели именования человека. Контаминация именников наиболее четко проявляется на территориях, где происходили многовековые этнические переплетения, позволившие лексемам адаптироваться в языковой системе региона и, как следствие, найти отражение в ономастике.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

- Зайцева, Муллонен, 2007 – Новый русско-вепсский словарь = *Uz' venä-vepsläine vajehnik* / Н. Г. Зайцева, М. И. Муллонен. Петрозаводск: Периодика, 2007. 520 с.
 СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 747 с.
 СКЯ, Ливв. – Словарь карельского языка. (Ливвиковский диалект) / Под ред. И. В. Сало и Ю. С. Елисеева; Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
 СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1980. Вып. 7. 404 с.
 СОС – Сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков / Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007. 347 с.
 СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. Вып. 1–6.
 Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.
 СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 1. 306 с.
 Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.
 ФРС – Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь / Под ред. В. Оллыкайнен и И. Сало. М.: Рус. язык, 1999. 816 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Писцовые книги Оболенской Пятины: 1496 и 1563 гг. / Акад. наук Союза Сов. Соц. Респ., Археогр. комис.; Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. IV, 268 с. (В статье в круглых скобках указано ПКОП, через запятую – страница источника.)
- ² Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв.: Акты Соловецкого мон. 1479–1571 гг. / АН СССР, Институт истории СССР, Ленингр. отд-ние. Сост. И. З. Либерзон. М.: Наука, 1988. 275 с. (В статье в круглых скобках указано АСМ, через запятую – страница источника.)
- ³ Чернякова И. А. Ред. [Рукопись]. Писцовая книга Заонежских погостов Оболенской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского 1616–1619 гг. («дворцовые» земли). Л. 452–504 // Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии (далее ИЛМИК) ПетрГУ. (В статье в круглых скобках указано Чернякова, через запятую – страница источника.)
- ⁴ Писцовые книги Водской пятины 1539 г., 1568 г. // История Карелии в XV–XVI вв.: Сборник документов. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 19–178. (В статье в круглых скобках указано ПКВП, через запятую – страница источника.)
- ⁵ Дозорная книга Лопских погостов, 1597 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 186–233. (В статье в круглых скобках указано ДКЛП, через запятую – страница источника.)
- ⁶ Писцовая книга Заонежской половины Оболенской пятины 1582/83 гг.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 35–341. (В статье в круглых скобках указано КЗПОП, через запятую – страница источника.)
- ⁷ Чернякова И. А. Ред. [Рукопись]. Писцовая книга Заонежских погостов Оболенской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского 1616–1619 гг. (поместные и митрополичьи земли). Л. 309–312 об. // Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии (далее ИЛМИК) ПетрГУ. (В статье в круглых скобках указано Чернякова, через запятую – страница источника.)
- ⁸ Материалы по истории Карелии XII–XVII веков / Под ред. В. Г. Гейман. Петрозаводск, 1941. 440 с. (В статье в круглых скобках указано Гейман, через запятую – страница источника.)
- ⁹ Дозорная книга Шуерцкой волости // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 234–254.
- ¹⁰ Карелия в XVII веке / Сост. Р. Б. Мюллер; Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948. 443 с.
- ¹¹ К – календарное имя; Н – некалендарное имя; Пр – прозвище; ПРФ – прибалтийско-финский антропоним; данные единицы в формуле сопровождаются патронимными индексами и индексами, указывающими на наличие прочих прибалтийско-финских маркеров.
- ¹² К сожалению, нет возможности привязать явление к конкретному населенному пункту, указывается только погост.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
2. Кабинина Н. В. Антропонимы финно-угорского происхождения в топонимии Мезенского района Архангельской области // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 112–114.
3. Карлова О. Л. -Л-овая модель в топонимии Карелии: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 227 с.
4. Кузнецов А. В. Язык земли Вологодской. Очерки топонимики. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1991. 153 с.
5. Кузнецов А. В. Заметки о топонимах южного Прионежья // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легиа, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/vyt/egr/a2/index.htm> (дата обращения 02.06.2016).

6. К ю р ш у н о в а И. А. Антропонимы с прибалтийско-финскими основами (по данным памятников письменности Карелии) // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1997. С. 138–145.
7. К ю р ш у н о в а И. А. «Свое» и «чужое» в антропонимической системе XV–XVII вв. // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Материалы 3-й междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2001. С. 118–121.
8. К ю р ш у н о в а И. А. Отношения прибалтийско-финских и саамских личных имен к славянским в антропонимии Карелии XV–XVII вв. // Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти): Сб. докладов Междунар. науч.-практ. конф. (13–14 сентября 2004 г.). Петрозаводск, 2004. С. 180–189.
9. К ю р ш у н о в а И. А. Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимике Карелии донационального периода // CARELICA: Научный электронный журнал. 2014 (11). № 2.
10. М а м о н т о в а Н. Н. Карельская и вепская антропонимия на современном этапе // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М.: Наука, 1988. С. 221–228.
11. М е щ е р с к и й Н. А. Новгородские берестяные грамоты как источник изучения прибалтийско-финских языков // Все-союзное совещание по вопросам финно-угорской филологии 26–30 июня 1961 г.: Тез. докл. Петрозаводск, 1961. С. 99–101.
12. М е щ е р с к и й Н. А. Новгородские грамоты на бересте как источник для исторического изучения прибалтийско-финских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л.: Наука, 1964. С. 193–204.
13. М у л л о н е н И. И. О вепской антропонимии (опыт топонимической реконструкции) // Советское финно-угроведение. 1988. № 4. С. 271–282.
14. М у л л о н е н И. И. Очерки вепской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 157 с.
15. М у л л о н е н И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 356 с.
16. М у л л о н е н И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. 241 с.
17. М у л л о н е н И. И. [Рец. на:] К ю р ш у н о в а И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8). С. 137–142.
18. М ы з н и к о в С. А. Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003. 540 с.
19. П о п о в А. И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. С. 48–66.
20. П о п о в А. И. Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Прибалтийско-финское языкознание. Тр. Карел. фил. Акад. наук СССР / Ред. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Гос. изд-во Карел. АССР, 1958. Вып. 12. С. 95–100.
21. С а а р и к и в и Я. Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения // Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2003. Вып. 8. С. 136–148.
22. С о б о л е в А. И. Вепские имена жителей и названия деревень Андомского погоста в XVI веке // Природные и культурные ландшафты: проблемы экологии и устойчивого развития: Материалы обществ.-науч. конф. с междунар. участием. Ч. 2. Статьи и тезисы. Псков, 2002. С. 120–122.
23. С о б о л е в А. И. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста и о некоторых вопросах его освоения // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2010. С. 185–252.
24. Х е л и м с к и й Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 252–259.
25. Ч а й к и н а Ю. И. Словарь географических названий Вологодской области. Населенные пункты. Вологда: Изд-во ИПК и ППК, 1993. С. 83–84.
26. Ш и л о в А. Л. Из наблюдений над берестяными грамотами // Финно-угорское наследие в русском языке: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 145–158.
27. Ш и л о в А. Л. Ономастика берестяных грамот // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. СПб., 2005. С. 298–325.
28. Ш и л о в А. Л. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8). С. 33–54.
29. Ш и л о в А. Л. Откуда Вы, любезнейший Колмак? // Русская речь. 2008. № 1. С. 82–85.
30. K u z m i n D. Karjalan asutushistoria nimistön valossa (История заселения Беломорской Карелии в свете топонимии): монография. Helsinki: Unigrafia Oy, 2014. 346 p.
31. L a a k s o J o h a n n a. Vielä kerran itämerensuomen vanhimmista muistomerkeistä. Virittäjä, 4. 1999. P. 531–555.
32. Saarikivi Janne Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Slavica Helsingiensia. 32. Helsinki, 2007. P. 196–246.

Kyurshunova I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

BALTIC-FINNISH AND SAMI NAMINGS AS COMPONENTS OF REGIONAL ANTHROPONYMIC SYSTEM (ACCORDING TO THE XV–XVII CENTURIES’ MATERIALS OF WRITTEN MONUMENTS OF KARELIA)

The analysis of onomastic units is presented in the article. Existence of such onomastic units speaks of the presence of the Baltic-Finnish and Sami population in Karelia. Such namings appear in business written monuments of the pre-national period of Karelia. They are marked by formal (phonetic, structural) and genetic markers. The reason conditioning a rather low percentage of such namings’ circulation in the regional documents is explained. The specificity of interaction of the Baltic-Finnish names with the Russian anthroponymic system is described. Such interaction found its reflection in the emergence of multiple hybrid models and formulas for persons’ nomination and in the regularity of using and transforming the Russified “onomasticon” of the non-Slavic society. It is supposed that there is a possibility of using “onyms” with Baltic-Finnish markers by Russian and Ugro-Finnish ethnic groups. The areal aspect of the research of these units is presented.

Key words: regional historical anthroponymy, Baltic-Finnish namings

REFERENCES

1. Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul’tury Publ., 2004. 872 p.
2. Kabinina N. V. The anthroponyms of Finno-Ugric origin in the toponymy of the Mezen district of the Arkhangelsk region [Antroponimy finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v toponimii Mezenskogo rayona Arkhangel’skoy oblasti]. *Onomastika v krugu gumanitarnykh nauk: Materialy mezhdunar. nauch. konf., Ekaterinburg, 20–23 sentyabrya 2005 g.* Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2005. P. 112–114.

3. Karlova O. L. *-L-ovaya model' v toponimii Karelii: Dis. ... kand. filol. nauk* [L-type model in the toponymy of Karelia Republic: Dis. ... candidate. filol. science]. Petrozavodsk, 2004. 227 c.
4. Kuznetsov A. V. *Yazyk zemli Vologodskoy. Ocherki toponimiki* [The language of the Vologda land. Essays on place names]. Arhangel'sk, Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1991. 153 c.
5. Kuznetsov A. V. Notes on the place names of South prionia [Zametki o toponimakh yuzhnogo Prionezh'ya]. *Vytegra: Kraevedcheskiy al'manakh*. Vyp. 2. Vologda, Legiya Publ., 2000. Available at: <http://www.booksite.ru/fulltext/vyt/egr/a2/index.htm> (accessed 02.06.2016).
6. Kyurshunova I. A. The anthroponyms with the Baltic-Finnish foundations (according to written monuments of Karelia) [Antroponimy s pribaltiysko-finskimi osnovami (po dannym pamyatnikov pis'mennosti Karelii)]. *Fol'klornaya kul'tura i ee mezhetnicheskies svyazi v kompleksnom osveshchenii: Mezhdvuzovskiy sbornik*. Petrozavodsk, 1997. P. 138–145.
7. Kyurshunova I. A. "Ours" and "theirs" in the anthroponymic system of the XV–XVII centuries ["Svoe" i "chuzhoe" v antroponimicheskoy sisteme XV–XVII vv.]. *"Svoe" i "chuzhoe" v kul'ture narodov Evropeyskogo Severa: Materialy 3-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Petrozavodsk, 2001. P. 118–121.
8. Kyurshunova I. A. Relationships of the Finnish and Saami personal names to Slavic anthroponomy of Karelia in XV–XVII centuries [Otnosheniya pribaltiysko-finskikh i saamskikh lichnykh imen k slavyanskim v antroponimii Karelii XV–XVII vv.]. *Nauchnoe nasledie akademika F. F. Fortunatova i sovremennoe yazykoznanie (k 90-letiyu so dnya smerti): Sbornik dokladov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (13–14 sentyabrya 2004 g.)*. Petrozavodsk, 2004. P. 180–189.
9. Kyurshunova I. A. The reflection of the processes of ethnic interaction in anthroponymic of Karelian epochs before the period of nationalism [Otrazhenie protsessov etnicheskogo vzaimodeystviya v antroponimikone Karelii donatsional'nogo perioda]. *CARELICA: Nauchnyy elektronnyy zhurnal*. 2014 (11). № 2.
10. Mamontova N. N. Karelian and Vepsian anthroponymy at the present stage [Karel'skaya i vepsskaya antroponimiya na sovremennom etape]. *Onomastika. Tipologiya. Stratigrafiya*. Moscow, Nauka Publ., 1988. P. 221–228.
11. Meshcherskiy N. A. Novgorod birch bark documents as the source of the study of Baltic-Finnish languages [Novgorodskie berestyanye gramoty kak istochnik izucheniya pribaltiysko-finskikh yazykov]. *Vsesoyuznoe soveshchanie po voprosam finno-ugorskoj filologii: 26–30 iyunya 1961 g.: Tezisy dokladov*. Petrozavodsk, 1961. P. 99–101.
12. Meshcherskiy N. A. Novgorod gramoty on birch bark as a source for the historical study of the Baltic-Finnish languages [Novgorodskie gramoty na bereste kak istochnik dlya istoricheskogo izucheniya pribaltiysko-finskikh yazykov]. *Voprosy finno-ugorskogo yazykozvaniya*. Moscow, Leningrad, 1964. P. 193–204.
13. Mullonen I. I. About Veps anthroponomy. (the experience of toponymic reconstruction) [O vepsskoy antroponimii (opyt toponimicheskoy rekonstruktsii)]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. 1988. № 4. P. 271–282.
14. Mullonen I. I. *Ocherki vepsskoy toponimii* [Essays on Vepsian toponymy]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 157 p.
15. Mullonen I. I. *Toponimiya Prisvir'ya: problemy etnolyazykovogo kontaktirovaniya* [The toponymy of Prisvir'e: problems of ethno-linguistic contact]. Petrozavodsk, 2002. 356 p.
16. Mullonen I. I. *Toponimiya Zaonezh'ya: Slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariyami* [The toponymy of Zaonezhye: a Dictionary with historical and cultural review]. Petrozavodsk, 2008. 241 p.
17. Mullonen I. I. [Review]: Kyurshunova I. A. Dictionary of non-calendar personal names, nicknames and family nicknames North-West Russia XV–XVII centuries [[Rets. na]: Kyurshunova I. A. Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvisch i famil'nykh prozvanii Severo-Zapadnoy Rusi XV–XVII vv.]. *Voprosy onomastiki*. 2010. № 1 (8). P. 137–142.
18. Myznikov S. A. *Russkie govory Obonezh'ya: Areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiysko-finskogo proiskhozhdeniya* [Russian dialects of the region: Areal-etymological study of vocabulary of Finnic origin]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 540 c.
19. Popov A. I. Materials on the toponymy of Karelia [Materialy po toponimike Karelii]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. Petrozavodsk, 1949. P. 48–66.
20. Popov A. I. Finnish personal names written on Novgorod birch bark [Pribaltiysko-finskie lichnye imena v novgorodskikh berestyanykh gramotakh]. *Pribaltiysko-finskoe yazykoznanie. Tr. Karel. fil. Akad. nauk SSSR* / Ed. G. N. Makarov. Petrozavodsk, Gos. izd-vo Karel. ASSR, 1958. Issue 12. P. 95–100.
21. Saarikivi Ya. Baltic-Finnish anthroponymy in the substrate names of the Russian North: prospects for studying [Pribaltiysko-finskaya antroponimiya v substratnykh nazvaniyakh Russkogo Severa: perspektivy izucheniya]. *Etimologicheskie issledovaniya: Sb. nauch. tr.* Ekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. un-ta, 2003. Issue 8. P. 136–148.
22. Sobolev A. I. Vepsian names of the inhabitants and the names of the villages churchyard Andoma in the XVI century [Vepsskie imena zhitel'ey i nazvaniya dereven' Andomskogo pogosta v XVI veke]. *Prirodnye i kul'turnye landshafty: problemy ekologii i ustoychivogo razvitiya: Materialy obshchestvenno-nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Part 2. Pskov, 2002. P. 120–122.
23. Sobolev A. I. About Finnic component in the formation of the population of the churchyard Andoma and about some questions of its development [O pribaltiysko-finskom komponente v formirovanii naseleniya Andomskogo pogosta i o nekotorykh voprosakh ego osvoeniya]. *Vytegra: Kraevedcheskiy al'manakh*. Issue 4. Vologda, 2010. P. 185–252.
24. Khelimskiy E. A. About Baltic-Finnish language material in the Novgorod birchbark letters [O pribaltiysko-finskom yazykovom materiale v novgorodskikh berestyanykh gramotakh]. *Yanin V. L., Zaliznjak A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*. Moscow, Nauka Publ., 1986. P. 252–259.
25. Chaykina Yu. I. *Slovar' geograficheskikh nazvaniy Vologodskoy oblasti. Naseennyye punkty* [Dictionary of geographical names of Vologda region. Settlements]. Vologda, Izd-vo IPK i PPK, 1993. P. 83–84.
26. Shilov A. L. From observations of the birch bark letters [Iz nablyudeniya nad berestyanyimi gramotami]. *Finno-ugorskoe nasledie v russkom yazyke: Sbornik nauchnykh trudov*. Issue 2. Ekaterinburg, 2002. P. 145–158.
27. Shilov A. L. Onomastics birch-bark letters [Onomastika berestyanykh gramot]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniya*. 2005. St. Petersburg, 2005. P. 298–325.
28. Shilov A. L. The non-Slavic ethnonyms and anthroponyms of the birch bark letters [Etnonimy i neslavyanskies antroponimy berestyanykh gramot]. *Voprosy onomastiki*. 2010. № 1 (8). P. 33–54.
29. Shilov A. L. Where are You from, my dear, Colmac? [Otkuda Vy, lyubezneyshiy Kolmak?]. *Russkaya rech'*. 2008. № 1. P. 82–85.
30. Kuzmin D. Karjalan asutushistoria nimistön valossa (История заселения Беломорской Карелии в свете топонимии): монография. Helsinki: Unigrafia Oy, 2014. 346 p.
31. Laakso Johanna. Vielä kerran itämerensuomen vanhimista muistomerkeistä. *Virittäjä*, 4. 1999. P. 531–555.
32. Saarikivi Janne Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // *Slavica Helsingiensia*. 32. Helsinki, 2007. P. 196–246.

Поступила в редакцию 18.05.2016